

Юрий Рогоза

Музыка для богатых

*«Ни за что не поверю, что
Бог бездумно бросает кости...»*

Альберт Эйнштейн.

«Я верю в чудеса» — думал продрогший Никита.

«Да и как не верить, если их вокруг — полным-полно? В этом мире невымытых машин и людей с перекошенными от злобы лицами чудеса происходят постоянно. На каждом шагу. А что толку? От них не легче и не радостней. Наверное, все дело в том, что Бог совершает их, не когда мы просим, а когда считает нужным. На свое усмотрение...»

... В три с половиной года он боялся оставаться в доме один. Боялся гулкой тишины, боялся китайца, вышитого на тонком настенном коврике, скрипа старых дощатых половиц... Однажды он проснулся раньше, чем обычно (бабушка вышла к соседке, собираясь вернуться прежде, чем он проснется), задыхаясь и дрожа от ужаса, выбил игрушкой — калейдоскопом стекло маленького глухого окна и побежал босиком по росистой холодной траве навстречу бабушке,

которая как раз подходила к дому. А вечером вернувшись с работы папа и мама показывали изумленным соседям разбитое окно — Никита, трехлетний ребенок, конечно же, не догадался расшатать и вынуть оставшиеся в раме осколки, и они, острые, как бритва, торчали со всех сторон, похожие на зубы страшной акулы, раскрывшей пасть. А у него на тельце не было ни одной царапины, даже самой маленькой... Чудо!

В шесть лет он вместе с двумя пацанами, своими дворовыми друзьями Лехой и Андреем, залез на старую шелковицу, которая росла в заброшенном соседском палисаде (им запрещали это делать, но они все равно забирались на нее почти каждый день). За нами увязалась Людка, девочка чуть постарше, второклассница в мятом пестром сарафане, Никита ее почти не знал. Когда они забрались на самый верх, где было еще много маленьких черных ягод, трухлявая ветка не выдержала и треснула...

Леха упал головой вниз и умер сразу, Андрей сломал позвоночник (потом взрослые объяснили, что он уже никогда не будет ходить и разговаривать), а Никита даже не ударился. Только, сидя в высокой траве, с восторженным ужасом смотрел, как глаза крупно вздрагивающей Людки становятся похожими на стекло, а из ее рта на мятый ситец сарафана выпрыгивают темные

сгустки крови...

Через год папа купил путевки в Алушту и он должен был впервые лететь к морю. Чтобы загореть и окрепнуть перед первым классом. Но сильно простудился, и папа и мама, посоветовавшись, решили оставить его дома, с бабушкой. Их самолет разбился через двадцать минут после взлета, обломки и разорванные тела людей собирали больше месяца...

Вам мало?!..

Старый учитель сольфеджио Борис Анатольевич поговорил с Никитой в школьном коридоре минуты две, не больше, но этого хватило, чтобы он подарил ему, двоечнику музыкальной школы, которого каждые полгода собирались исключить, чудо музыки — наверное, главное чудо в его бестолковой жизни.

«Еще была Настя...» — с замиранием сердца подумал Никита — «Целых три недели у меня была Настя... Но об этом я вам ничего рассказывать не буду, это — не ваше собачье дело, ясно?!.. Да и потом, у мира нет таких слов, которыми можно рассказать об этом. Нет, и никогда не будет...»

А еще его проклиjali. Правда, это было злое чудо, но кто сказал, что чудеса бывают только добрыми? Никиту проклиjali на сельском кладбище лунной майской ночью. Это было семь лет назад (ему было тогда 16), но проклятие никуда не

делось, он точно знает, он старался убежать от него, проехал десятки городов и стран, и сейчас уже понимает, что оно умрет только вместе с ним...

Знаменитый певец Баклан (да-да, тот самый), приехав с концертом в Тверь, мог зайти поужинать в любой ресторан, но ввалился с толпой охранников именно в немного старомодную «Березовую рощу» на улице Советской, причем как раз в тот момент, когда Никита играл на рояле. Уже через десять минут тот, обалдевший от неожиданного счастья и стакана текилы, был назначен клавишником знаменитой группы. Предыдущий, как оказалось, был со скандалом выгнан два часа назад за то, что украл у звезды баночку амфетаминов, из — за чего концерт был на грани срыва и начался с опозданием на час, в течение которого велись лихорадочные поиски контактов с местными торговцами счастьем.

Так он, простой тверской парень, похоронивший бабушку, проклятый сельской колдуньей и не ждущий от жизни ничего хорошего, начал выходить на сцены ревущих от восторга концертных залов и домов культуры, замелькал в дорогущих музыкальных клипах, побывал в Лондоне, Берлине, Хельсинки, Варшаве, научился водить машину и нюхать кокаин...

Что, тоже скажете — не чудо?...

Так что — чудес на свете валом... Но что толку, если они не спасают? Если они, как мыльные

пузыри детства, разбиваются об этот невымытый мир, серый, твердый и шершавый, как московский асфальт? А сам мир все время пытается поставить тебя раком. И если ты, неблагодарный, вдруг отказываешься, сначала удивляется, а потом мстит — долго и умело...

«Что мне оттого, что вас на свете полно, чудеса?» — обозлился Никита — «Все — равно мир вокруг состоит из грязи и жестокости, у меня почти не осталось денег, жопа онемела, потому что я сижу на каменном парапете, а сижу я на нем, потому что не могу и не хочу идти в свою убогую комнатку в самом старом и жутком доме Лаврушенского переуллка, который почему-то еще никто не купил, чтобы взорвать и построить на его место автосалон или элитный бордель. Я плачу за нее две с половиной тысячи долларов в месяц, но это не спасает — в ней темно и сыро даже в солнечный день, зеркала трескаются сами по себе, единственное окно смотрит на истертую кирпичную стену, исписанную матами, тараканы похожи на крыс, а в убитом вонючем сортире живет призрак, и в него так страшно входить, что я терплю и стараюсь делать это как можно реже...

Господи, если у тебя так много чудес, почему ты не сотворишь одно прямо сейчас, в центре этого безумного города? Или я его не заслужил? Тогда дай мне, что ли, хоть денег на электричку, чтобы я

вернулся в свою прошлую жизнь, уютную и ненужную, как старый комод. Дай, а?... А то ведь первое, о чем я тебя спрошу, когда умру, будет — «А где Ты был тогда, когда я сидел на заплыванном парапете около метро, и хотел жрать до крика, и от пронизывающего холода не чувствовал собственной задницы, и умолял Тебя...»

— Никита?, ты, что ли? Ну, дела!.. — раздалось вдруг над самым ухом.

Так, с ударением на последний слог, к нему обращались только ребята в школе. В Твери. В том уютном мирке, который сейчас казался счастливым сном.

Никита, вздрогнув, поднял глаза. Его одноклассник Игорь Микерин был не просто реальным, но еще и отвратительно бодрым. Пружинисто переступал с ноги на ногу, клацая по асфальту кожаными подошвами модных туфель. Он вообще смотрелся правильно — модное короткое пальто, дорогая стрижка, лакированная не то папочка, не то барсетка в ухоженных пальцах...

— Хреново выглядишь — радостно подытожил Микерин прежде, чем Никита успел что-то сказать — в лице нихуя духовности нет!

— Была, да вся вышла... — угрюмо ответил Никита.

— Ясно! — Микерин бросил взгляд на огромные часы — Слушай, я пока свободен, а тут

одно место есть. Так, мидл класс, конечно... Зато — совсем рядом! «Трактир» называется...

* * *

— Слушай, а с чего это вдруг Баклан только сейчас решил тебя в жопу выебать? Целых два года присматривался, что ли? — закуривая, спросил Микерин со светским безразличием.

Они уже съели по порции пельменей и выпили полтора графинчика водки, так что ничего удивительного в том, что мир как-то резко стал добрей и человечней, не было. Никита уже знал, что обычно так и бывает.

— Да не Баклан, ты не понял. Это Шакальский, наш новый продюсер...

Микерин уважительно присвистнул.

— Сам мсье Шакальский? Круто...

— А ты что, его знаешь?

— Смеешься? Кто же Шакальского не знает!

Я его совсем недавно по телевизору видел, дня два назад. Хорошо говорил, кстати, душевно, убедительно...

— О чем говорил? — почему-то напрягся Никита.

— Да уж не о том, что планирует тебя вжарить, не переживай — коротко рассмеялся Микерин — О роли православия в развитии

отечественного шоу — бизнеса, кажется. О духовной преемственности, исторических корнях...

— Вот сука!..

— А ты, Никита, изменился. Злой стал. Seriously... — заметил Микерин, разливая остатки водки в граненые штофики — Здесь тебе не Тверь, брат, учись толерантности. Почему это он — сука! Человек достиг успеха, денег заработал немеряно, теперь о духовном здоровье нации беспокоится... Это что, плохо? А то, что он хотел тебя раком отыметь...

— Громче кричи! Еще не все слышали... — покраснев, прошипел Никита и осторожно оглядел зал. Но людей в трактире было немного — лишь несколько мутных компаний за дальними столиками и угрюмый афганец в затертом камуфляжном ватнике, с ненавистью смотрящий через окно на зажигающую огни столицу. На столе перед афганцем стояла откупоренная, но нетронутая бутылочка «Кока — Колы», а сам он то и дело странно нагибался, заглядывая под полу ватника, словно прятал там подобранного на улице котенка.

— То, что он хотел тебя раком отыметь — интимно понизив голос, продолжал Микерин — так в этом, между прочим, есть что-то глубоко человеческое и очень трогательное... Seriously. Ты сам посуди! Крутой продюсер, миллионер, лауреат

всего на свете, а не скурвился, не очерствел душой, хочет, как и все, простого человеческого тепла и счастья... — он поднял стопку — Ну, давай... За человеческое в нас!

Стопки ударились друг о друга с таким дешевым звуком, словно были пластмассовыми.

— Да я даже не так на него обижаюсь, как на ребят — заговорил Никита, когда водка горячим комком сползла в душу — Не поверишь, Коля, басист, мне прямо в лицо сказал — «Знаешь, Никита, я думал, ты настоящий человек и музыкант, а ты — говно и мразь... Тебе, Иуда, твоя тощая жопа дороже, чем большое искусство и судьбы товарищей...» Так и сказал, представляешь? А остальные ребята стояли рядом и молчали...

Микерин недобро улыбнулся.

— А ты чего ждал? Что они тебе «Ролекс» в складчину купят?

— В каком смысле? — не понял Никита.

— В прямом. Хватит прикидываться, в самом деле. Ты что — реально не понимаешь? Ты же своим долбанным целкомудрием лишил людей самого светлого — бабла, успеха, этой... веры. Да я бы на их месте тебя вообще насмерть загрыз, если хочешь знать!

От неожиданности Никита даже протрезвел. Поэтому лихорадочно вылил в стопарь остатки водки и быстро выпил.

— Да и потом — смягчившись, продолжал Микерин — по любому тебя кто —нибудь выебет, сам понимаешь. Не в лесу живем — Москва... И еще неизвестно, кто попадется, кстати говоря... Может, вообще, зверь какой —нибудь. Типа мент. Или наоборот — лютый урка. А Шакальский — милый человек, культурный, обеспеченный, деликатный...

Обалдевшему Никите в голову вдруг пришла спасительная мысль, что одноклассник шутит.

— Слушай, хватит прикалываться. Я же с тобой серьезно говорю...

— А если серьезно — Микерин чуть перегнулся через стол и глаза его стали похожими на две железные пуговицы — то от вас, провинциалов, все зло... Зло и нарушение мирового порядка. Понял, нет? Вот я, как любой цивилизованный человек, чтобы к своим доходам ноль приписать, у слона отсосу, понял?...

— У какого слона?... — прошептал Никита, испуганно сглатывая.

— У африканского, блядь — зло отчеканил Микерин — Или у индийского, мне пофиг!.. Хотя, нет, постой — он на миг задумался — не то, чтобы совсем пофиг, какой-то из них реально крупнее... Я забыл, какой...

Возникла пауза. Микерин, наверное, вспоминал картинки из школьного учебника, а